

Заключение

Научная геральдика России прошла длительный и сложный путь развития, который отражал судьбы национальной исторической науки. Состояние и конкретное выражение эволюционных процессов определялось несколькими факторами. Основными среди них явились: потребности и специфика отечественного гербоворчества; воздействие зарубежного опыта, как практического, так и научного; скептическое отношение к гербам как историческому источнику. Именно последнее, умозрительное положение, предопределенное, в некоторой степени, поздним генезисом русского геральдического пространства, стало стержневой проблемой для отечественного гербоведения, вынужденного постоянно бороться против негативного отношения к изучению гербов.

Историю отечественной научной геральдики можно разделить на три периода: императорский, советский и современный. Каждый из них был специфичным в теоретико-методологическом отношении, определявшем сущность и приоритеты дисциплинарного знания.

Зарождение научной геральдики произошло в начале XVIII в., под безусловным влиянием зарубежного практического и исследовательского опыта. Генезис продолжался до 40-х гг. XIX в., когда окончательно был признан научный статус геральдики, хотя и в контексте археологии, а разрозненные публикации приобрели последовательный характер. Развитие геральдического знания во второй половине XIX – начале XX в. предопределила первая монография о гербах – «Русская геральдика» А.Б. Лакиера. В 1908 г. начался кратковременный, прерванный политическими событиями 1917 г. период расцвета гербоведения в России. Его главным итогом стало то, что оно полностью сформировалось как научная дисциплина с четко определенным предметом и объектом исследования, с выработанной методологией, структурой и ориентацией на анализ обширного круга источников, в том числе архивных. Активно развивался междисциплинарный диалог с генеалогией, органично дополнивший унаследованную еще от середины XIX в. интеграцию

с нумизматикой и сфрагистикой. Эти обстоятельства обусловили развитие геральдического мысли в рамках дворянского направления русской историографии, что вызывало необоснованно критическое отношение к работам о гербах со стороны тех историков, которые придерживались иных политических позиций.

Показателем научной зрелости геральдики России стал генезис трех концепций герба: археологической А.Б. Лакиера, культурологической Ю.В. Арсеньева, источниковедческой В.К. Лукомского – С.Н. Тройницкого – Д.Н. Егорова. В методологическом отношении дисциплина тяготела к петербургской исторической школе. Близость проявлялась в приоритетном внимании к источнику, которое способствовало доминированию позитивистской методологии анализа, дополненной в начале XX в. элементами структурализма и феноменологии.

Отношения национального научного знания с европейским складывались непросто. В формально-визуальном отношении герботворчество России находилось под сильным влиянием западных традиций, происходила рецепция немецкой и французской моделей составления и описания гербов. В конце XIX в. возникло стремление к выделению национальной специфики блазонирования. Наиболее наглядно эта тенденция обозначилась в терминологической дискуссии между В.К. Лукомским и С.Н. Тройницким, происходившей в 1914–1915 гг.

Формируясь поздно и под влиянием Запада, гербоведение смогло творчески переосмыслить накопленный опыт и не стало адептом ни одной зарубежной системы, выработав самостоятельную познавательную традицию. В 1910-х гг. оно достигло равнозначного европейской науке научного уровня, а в некоторых отношениях и превзошло его (труды Ю.В. Арсеньева, Д.Н. Егорова, В.К. Лукомского). Несмотря на глубокую национальную специфику, обусловленную совокупностью источников, а также своеобразным отношением со стороны властей и социума, русское геральдическое знание являлось неотъемлемой частью европейской науки, развиваясь в едином с ней направлении.

На рубеже XIX–XX в. выделились основные направления исследований, соответствовавшие группам гербов: изучение государственной, территориальной и родовой геральдики. Начала формироваться геральдическая эвристика, организовывавшая геральди-

ческое пространство для рефлексии. В конце первого десятилетия XX в. была преодолена дискретность дискурса, который превратился в непрерывный познавательный процесс, и предложена удачная образовательная модель, которая положила начало формированию исследовательских генераций. Благодаря систематическому использованию архивных источников окончательно установился познавательный паритет вещественных и письменных памятников. В 1913 г. был создан первый научный центр геральдики – журнал «Гербовед», стимулировавший структурные изменения: генезис дисциплинарных источниковедения и археографии.

Эволюционное развитие геральдической мысли прервал 1917 г., после которого для исследований сложились самые неблагоприятные политические и идеологические условия. Обнародование результатов изысканий стало крайне затрудненным, единый познавательный процесс разделился на практически не связанные направления: советское и эмигрантское. В обоих происходили регрессивные изменения, изучение гербов снова оказалось дискретным, прервалось большинство традиций и проектов, количество работ резко уменьшилось. Над гербоведением тяготел идеологический диктат, существенно ограничивавший проблемное пространство и требовавший усвоения марксистско-ленинской методологии, приверженность к которой часто была декларативной. Нарушилось взаимодействие исследовательских генераций. Образовательная модель первоначально сохранялась в усеченном варианте, а затем модифицировалась в квазиучебную. Произошли изменения в структуре знания. Вследствие идеологических запретов оказалось невозможным изучать государственную геральдику, формальный опыт, зарубежные гербы. Одновременно с 1920-х гг. началось становление нового раздела изысканий – советской геральдики.

В условиях кризисной ситуации оставшимися специалистами, прежде всего В.К. Лукомским, прилагались усилия для сохранения дисциплины. Представлялось возможным два пути: дополнение объекта и предмета исследований широким кругом родственных явлений (знаков и символов) и акцент на ее прагматическом значении через массовое использование гербовой экспертизы, применение которой началось еще в начале XX в., но теоретически осмыслено было в 1930-е гг. Идея оказалась противоречивой. Если гербовая экспертиза действительно нашла применение в различных областях

гуманитарного знания и способствовала поддержанию изысканий в советский период, то тезис о расширении пределов геральдики привел к негативным последствиям. А.В. Арциховский, А.А. Ураносов, В.С. Драчук придерживались ошибочной точки зрения о древности русских гербов и неоправданно широко использовали понятие герба, что удержалось в археологических и псевдогеральдических работах до настоящего времени.

После 1917 г., несмотря на локальные позитивные изменения, в геральдическом знании нарастал кризис, который со временем стал системным, охватив и конкретные исследования, и теоретико-методологические основы. В 1940-е – начале 1960-х гг. гербоведение в СССР существовало в значительной степени номинально.

В эмигрантской историографии имелись специфические трудности, обусловленные недоступностью архивных источников. Продолжая в методологическом отношении традиции императорского периода, гербоведение вынужденно ориентировалось на эвристические, источниковедческие и историографические аспекты, пользовалось европейским опытом и информацией. После стабилизации в 1930-е – 1950-е гг. эмигрантская геральдика также впала в кризисное состояние.

С середины 1960-х гг. в СССР начались позитивные изменения, связанные с частичной либерализацией общественной и научной жизни. Окончательно конституировалось изучение советской геральдики, которое развивалось в традициях источниковедения. В трудах Н.Ф. Демидовой, Н.А. Соболевой, В.В. Румянцевой анализировалась территориальная геральдика, изучение которой, как наименее идеологизированное, получило в 1970-е – начале 1980-х гг. распространение. В методологическом отношении оно опиралось на концепцию герба как социального явления. В конце 1970-х гг. возобновились эпизодические публикации работ по государственной символике Российской империи, началось информирование о зарубежных исследованиях. В 1980-х гг. возобновился целенаправленный интерес к истории отечественного геральдического знания. Наряду с этим сохранялись негативные тенденции. Качественный уровень изысканий оставался невысоким, наблюдалась дискретность познавательного процесса, большинство геральдических сюжетов изучалось стихийно и эпизодически. Теоретической основой оставался источниковедческий подход. В 1960-е гг. все еще не при-

знавалась научная ценность геральдического знания, предпринимались настойчивые попытки подменить геральдику искусственно созданной дисциплиной эмблематикой с более широким объектом и предметом изучения. Идеологический диктат усилился в 1980-е гг., что привело к появлению откровенно пропагандистских работ.

Кардинальные изменения произошли на рубеже 1980-х – 1990-х гг. вследствие фундаментальных изменений в политической и общественной жизни, культуре и науке. Модификация совершалась постепенно, 1989–1991 гг. стали переходным периодом от советской модели гербоведения к современной. Он характеризовался сочетанием публикаций, написанных с позиций советской идеологии, и работ, отстаивавших новую, деидеологизированную позицию в отношении геральдики, трактовавших ее как часть национальной истории и культуры.

Современная научная геральдика представляет собой противоречивое и эклектичное явление. По количественным и многим качественным показателям она превосходит не только советский, но и императорский период. Для нее характерна реализуемая многообразно альтернативность. Одновременно используются несколько концептуальных подходов, среди которых значительно возросла роль культурологической парадигмы. Происходит эволюция методологических основ: меняется статус и содержание известных в предыдущей историографии приемов, формируются новые методы. Конкретные исследования разнообразны по методологии и познавательной ценности. Во второй половине 1990-х гг. началось использование новых информационных технологий, которые все активнее воздействуют на геральдическое знание.

В 1990-е гг. произошли фундаментальные изменения в стратификации научной геральдики. Были не только восстановлены все традиционные направления: государственная, территориальная, родовая, формальная геральдика, но и сформировались новые: история гербоведения, корпоративная (ведомственная) геральдика. Приобрело самостоятельное значение изучение зарубежного опыта, что позволило на качественно ином уровне поставить задачу идентификации национальной традиции. Окончательно сложились геральдическое источниковедение и геральдическая археография. Источниковедение приобрело значение первостепенного направления дисциплинарного анализа. Публикация источников, хотя и

отстающая от потребностей дисциплины, обусловила становление раздела археографии, утратившего исключительный прагматизм и ставшего предметом теоретического осмысления. Обрел корректный смысл термин «теоретическая геральдика», подкрепленный работами о теоретико-методологических аспектах дисциплины и терминологическими дискуссиями. Активно развивались интеграционные области исследовательского и информационного диалога с новыми областями гуманитарного знания: политологией, правом, психологией, философией.

Современное гербоведение существует в рамках двух диаметрально направленных процессов: с одной стороны – дифференциация геральдического знания, с другой – активизация междисциплинарного диалога, который охватывает новые разделы науки.

На рубеже XX–XXI в. важное место заняла проблема профессиональной подготовки историков в области геральдики, возросло количество учебно-методической литературы, предлагаются альтернативные образовательные модели. Их фундаментальным отличием от советской традиции стало действительное стремление выработать навыки самостоятельного блазонирования и изучения гербов.

Основополагающей проблемой отечественного гербоведения стало выяснение сущности понятий «герб» и «геральдика», постоянно вызывавшее дискуссии. Еще в XVIII в. сформировалась распространенная трактовка герба, опирающаяся на выделение триады признаков: символизм – соответствие иконографической модели – правовой статус. Она составила основную линию понятийного осмысления. Одновременно выдвигалось множество альтернативных дефиниций и интерпретаций, часто обусловленных либо методологической позицией исследователей, либо приоритетами конкретных периодов (в советский период герб трактовался как результат классовой борьбы), либо концептуальными построениями, осмысливавшими герб в соответствующих категориях (в культурологическом понимании он явление культуры, в информационном – способ хранения и трансляции информации, в юридическом – объект права и т. д.). В настоящее время невозможно предложить единую универсальную дефиницию, поскольку каждое направление познания требует интерпретации в специфических категориях.

Сходная ситуация сложилась при осмыслении понятия «геральдика». При кажущейся очевидности с момента начала бытования термин воспринимался неоднозначно. Первоначально этому способствовало сильное влияние герботворчества, с конца XIX в. – научное конституирование дисциплины, своевременно не получившее четкого терминологического воплощения. В 30-е гг. XX в. понятийная вариантность была закреплена В.К. Лукомским, опиравшимся на расширенную интерпретацию герба. В конце XX в. эта идея получила логическое завершение в виде концепции Г.В. Вилинбахова, видевшего в геральдике интегрирующую мега-дисциплину. Способом решения понятийных проблем в современной историографии стала идентификация каждого значения с конкретным термином: научного компонента – с гербоведением, а совокупности конкретных гербов, определяемых хронологическими, территориальными и иными критериями, – как «геральдического пространства».

Всесторонний анализ истории научной геральдики позволяет определить комплекс проблем, которые в настоящий момент имеют наибольшую актуальность. Во-первых, необходимо изучение теории дисциплины, включая понятийно-терминологический аппарат, методiku источниковедения и историю отечественного геральдического права. Во-вторых, требуется объективное изучение истории герботворчества всех периодов, в том числе советского и современного, на основе синтеза идиографического и номотетического подходов. В-третьих, желательно активизировать археографическую деятельность, особенно в сфере родовой геральдики и введения в научный оборот вещественных памятников. В-четвертых, нужно создание полной справочно-информационной (эвристической) системы, опирающейся на новейшие компьютерные технологии. В-пятых, представляет интерес изучение художественной стороны отечественных гербов. В-шестых, важно активно бороться с антиисторическими концепциями в сфере гербоведения, нужна их объективная критика.

В качестве конкретной реализации перечисленных задач целесообразно создать словарь, посвященный отечественной геральдике, подготовить монографические исследования по теории гербоведения и родовой геральдике, публиковать архивные и музейные источники (первостепенное значение имеет академическое издание

всех томов «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи», «Сборника дипломных гербов» и составление собрания неутвержденных гербов). Необходимо постоянное ведение текущей библиографии, а также издание учебного пособия, дающего объективное представление о дисциплине в глобальном, в крайнем случае – европейском масштабе. Необходимо выявлять и анализировать информацию о современном состоянии герботворчества.

На протяжении трехсот лет развитие научного геральдического знания было сложным и многогранным познавательным процессом, иногда противоречивым, иногда количественно и качественно не вполне состоятельным, субъективизированным, но всегда строго детерминированным и позитивно направленным на достижение полных и точных представлений о гербе как историческом источнике и явлении исторической действительности. Поэтому несостоятельны попытки доказать, что гербоведение сформировалось лишь в конце XX в. или связано с деятельностью какого-либо конкретного автора. Полноценность отечественной научной геральдики подтверждается типологической общностью процесса познания с развитием других специальных исторических дисциплин, а также широким методологическим диалогом между ними.

Развитие гербоведения никогда не было изолированно. Оно четко соотносилось с основными направлениями, этапами и концептуальными построениями российской исторической науки в целом, являясь одним из частных проявлений общей исследовательской ситуации в конкретный период. Научная геральдика представляет собой специфическую, но неотъемлемую часть исторической науки, значимый компонент познания прошлого.